

УДК 908(292.471)(479)

DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110

В.Д. Смирнов – исследователь крымских архивов

А.А. Непомнящий

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Аннотация. Во время командировки в Крым в 1886 году В.Д. Смирнов занимался изучением состава симферопольских архивов. Поездку ориенталиста инициировал Санкт-Петербургский археологический институт. В связи с обращением местных ученых сил об открытии на полуострове губернской ученой архивной комиссии директор Археологического института И.Е. Андреевский обратился к известному в столице востоковеду В.Д. Смирнову с просьбой провести в Тавриде экспертную оценку имевшихся документов. Целью исследования должно было стать заключение о целесообразности открытия местной ученой архивной комиссии. Приводятся обширные выдержки из рукописи В.Д. Смирнова, составленной по итогам поездки. В документе дается обзор состава крымских архивов и ценности отложившихся архивных бумаг.

Ключевые слова: В.Д. Смирнов, крымоведение, архивы, Таврическая ученая архивная комиссия, Санкт-Петербургский археологический институт

Для цитирования: Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – исследователь крымских архивов // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 83–110. DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110

Первое обобщающее фундаментальное научное исследование по истории Крымского ханства, написанное в России, появилось в конце 80-х годов XIX века. Его авторство принадлежит Василию Дмитриевичу Смирнову (1846–1922) – профессору Санкт-Петербургского университета, выдающемуся российскому тюркологу [см. подробнее: 11]. За прошедшее с этого события время в крымоведческой историографии ничего более существенного по истории средневекового Крыма, чем труды Смирнова, не появилось. Неслучайно он характеризуется в истории науки как «основатель крымской востоковедческой историографии» [30, р. 506–507]. Благодаря многолетним научным студиям известного специалиста по средневековой истории и источниковедению Крыма Аркадия Павловича Григорьева мы располагаем достаточно полным сводом библиографии В.Д. Смирнова [4,

с. 268–281]. Находки последних лет не могут преуменьшить роль этого библиографического пособия, которое представляет обстоятельную картину творческого наследия ориенталиста. Значительного дополнения требует лишь раздел, где названы исследования о В.Д. Смирнове [11, с. 113–142].

В.Д. Смирнов родился 28 июля 1846 года и провел свое раннее детство на Бирючьей Косе, под Астраханью. Его отец – сначала сельский псаломщик, затем дьякон – умер, когда сыну было восемь лет. Матери не стало еще раньше. Оставшись сиротой, Василий Смирнов окончил Астраханское духовное училище, затем, идя по стопам отца, получил семинарское образование в Перми. В 1865 году В.Д. Смирнов поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Однако год жизни в столице резко поменял его планы, и в 1866 году юноша перешел в столичный университет на факультет восточных языков. С этого момента судьба В.Д. Смирнова оказалась неразрывно связанной со столичным университетом [9, с. 156–160; 20, с. 207].

Незаурядные способности юноши быстро выявились в творческой атмосфере, царившей в вузе. В студенческие годы (1869 г.) конкурсное сочинение будущего ученого «О языковом влиянии монголо-татар на Россию (русско-татарские заимствования)» вызвало положительный резонанс¹. После историографического обзора автор на основе разнообразных лингвистических источников проанализировал заимствования в русский язык из монгольского диалекта. Официальный рецензент работы нашел у молодого исследователя талант историка, который, по его мнению, «если не будет зарыт в землю, принесет много чести и пользы русской земле» [3, с. 408–409]. На конкурсе сочинение Василия Смирнова заняло почетное первое место. Факультет восточных языков признал автора данной диссертации – студента четвертого курса Василия Смирнова – «достойным золотой медали» [19, с. 139].

В 1870 году В.Д. Смирнов окончил курс обучения в университете и был оставлен для дальнейшей научной работы на факультете восточных языков. Избрав своей специальностью османский язык, он в 1872 году выдержал экзамен, а в марте 1873-го защитил диссертацию на степень магистра по теме «Кучибей Гёмюрнджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», которая была опубликована в том же году [7; 8, с. 283–284, 292–294]. В мае 1873 года Советом университета В.Д. Смирнов избран и утвержден в звании штатного доцента по кафедре турецко-татарской словесности. С этого времени и до самой смерти Васи-

¹ Институт восточных рукописей РАН, Архив востоковедов (далее – ИВР РАН АВ), ф. 50, оп. 1, д. 141, л. 1–113.

лий Дмитриевич преподавал в университете османский язык, историю османской литературы и некоторое время историю Турции [5; 6].

Первую поездку в Турцию «для практических наблюдений над живой османской речью, а также для ознакомления с литературными сокровищами турецких библиотек в Константинополе» В.Д. Смирнов совершил в 1875 году. Подобные ученые экскурсии впоследствии повторялись неоднократно [29, р. 408]. Уже в это время востоковед всерьез занимался разработкой докторской диссертации. По заданию Публичной библиотеки для пополнения ее фондов Василий Дмитриевич приобрел в Стамбуле собрание рукописей и книг «преимущественно исторического содержания» на арабском языке – 93, на турецком – 14, на персидском – 32. Кроме того – рукописи на славянских и греческих языках. Как видно из состава рукописей [14], ученый сосредоточил внимание на выявлении и изучении турецких сочинений, которые в той или иной степени затрагивали историю России, и особенно Крыма, в частности Крымского ханства.

Результат разработки В.Д. Смирновым нового информативного корпуса источников вылился в издание сборника документов, имевших отношение к перипетиям внешнеполитических катаклизмов между Крымским ханством, Оттоманской Портой и Российской империей [21]. Публикуя фактически одну крымскотатарскую рукопись, историк оговорил, что, несмотря на то, что она «по внешности представляет собой единое целое, в действительности же включает в себе в числе 124 отдельных статей и исторические повествования, бытоописания, и анекдоты, и целые трактаты международные с дополнительными к ним документами» [21, с. III]. Будучи хорошо знакомым с «плюсами» и «минусами» изданий восточных источников, составитель попытался избавиться от общих недостатков, свойственных подобного рода работам, главным из которых являлось отсутствие достойных комментариев. Большая часть из опубликованного в сборнике источников относилась к истории русско-турецких войн второй половины XVIII века [10, с. 241].

Не ограничиваясь литературной и источниковедческой базой Турции и России, Василий Дмитриевич неоднократно выезжал для работы в библиотеки Будапешта, Вены, Лондона и Парижа. В 80-х годы XIX века, продолжая разрабатывать тему докторской диссертации, он сочетал литературные штудии и работу в архивах с археологическими разысканиями в Крыму.

Поездку в Крым В.Д. Смирнов совершил в 1886 году – незадолго до защиты диссертации. Командировку ориенталиста инициировал и профинансировал Санкт-Петербургский археологический институт. Представители крымской просвещенной интеллигенции, ратовавшие за открытие на полуострове губернской ученой архивной комиссии, обратились еще в 1884 году в Археологический институт с просьбой о разрешении открыть

такое ученое общество с функциями разбора ведомственных архивов и формирования губернского исторического архива. Чтобы иметь представление о том, архивы каких ведомств есть в Крыму, директор Археологического института Иван Ефимович Андреевский (1831–1891) обратился к известному в столице востоковеду В.Д. Смирнову, специализировавшемуся на изучении крымской истории, с просьбой провести в Тавриде экспертную оценку имевшихся документов. Целью исследования должно было стать заключение о целесообразности открытия местной ученой архивной комиссии. И хотя практически решение об открытии Комиссии в Симферополе властями было уже принято, такая поездка была интересна Археологическому институту.

Основное внимание исследователь собирался уделить ознакомлению с документами симферопольских архивов. Так уж сложилось, что состав турецких архивохранилищ ему был известен лучше, чем крымских. Эту научную прореху ориенталист получил возможность закрыть. По просьбе И.Е. Андреевского Смирнов составил план своего ученого путешествия. В нем обозначалась просьба подготовки сопроводительных бумаг, обращенных к таврическому губернатору Андрею Никитичу Всеволожскому и председателю Таврической губернской земской управы А.Х. Стевену (в скобках Василий Дмитриевич указал, кому из них, о чем написать). В.Д. Смирнов собирался прежде всего:

«1) Познакомиться с общим составом существующих в г. Симферополе местных архивов, преимущественно губернского и дворянского, и преобладающим содержанием дел, в них хранящихся.

2) Определить приблизительно количественную долю документов на татарском и турецком языке, степень их древности и преобладающее содержание.

3) Обратит особое внимание на те из могущих встретиться документов, в которых содержатся какие-нибудь любопытные данные по части истории края и характеристики взаимных отношений разных народностей местного населения, с тем чтобы выделить эти документы для последующего рассмотрения их, если бы время не позволило мне исследовать их там не месте. К этой категории дел можно отнести те, в которых могло бы заключаться что-нибудь по вопросу о правильном пользовании водой для орошения полей и садов, а чаще относительно так называемых вакфов.

4) Предполагаю, если позволит время, посещение Старого Крыма, интересных в историческом и археологическом отношении мест, особливо те из них, на которые сделаны простые лишь указания прежними учеными, не имевшими, однако, ни случая обозреть эти места и проверить дошедшие понаслышке сведения о них. Тут имеются в виду, например, некоторые кладбища и гробницы, а также остатки древних сооружений и мусульман-

ские надписи на них, и чтобы привести в известность внешнее состояние этих древностей, в каком они теперь находятся.

5) Так как и свобода доступа в местные архивы, и беспрепятственность посещения, и обозрения археологических памятников более или менее могут зависеть от способности лиц или учреждений оказать мне содействие в моих исследованиях, то было бы очень желательно, чтобы Археол[огический] институт предварительно уведомил Таврического губернатора и Председателя губернской земской управы Александра Христиановича Стевена о том, что я, как ориенталист, командирован Институтом в Крым для ознакомления с делами местных архивов, преимущественно на татарском и турецком языках, и для обозрения местных памятников древности, с просьбой не отказать в зависящем от них содействии в моих занятиях и экскурсиях с ознакомительными целями, в чем Институт и не сомневается (относительно губернатора), так как, по донесениям в Институт <нрзб>, правительство уже само сделало распоряжение по учреждению местной архивной комиссии, так как (это для г. Стевена) известно его просвещенное внимание ко всему, что касается уяснения как прошлого, так и настоящего <нрзб> края, экономические и всякие благоустройственные стороны которого введены его попечению как председателя земской управы»².

В.Д. Смирнов заметил: «Когда мысль покойного Н.В. Калачева об учреждении местных провинциальных исторических архивов, впервые пропагандированная им, если не ошибаюсь, на IV Археологическом съезде в Казани, стала прививаться, то, между прочим, она с сочувствием была встречена также в Таврической губернии. Местные деятели, интересующиеся разработкой истории своего края, обратились в Археологический институт с просьбой о содействии к образованию Архивной комиссии в Крыму. В виду этого Археологический институт признал полезным ознакомиться, через посредство кого-нибудь из нарочно командированных отсюда лиц, с настоящим положением существующих в Крыму архивов и с качеством хранящегося в них архивного материала.

Географические и этнографические условия Крыма заставляли почти наверняка предполагать, что в тамошних архивах должны были находиться бумаги также на турецко-татарском языке. В таких соображениях осмотр архивов надлежало поручить человеку, владеющему и этим языком. Поэтому мне и было предложено Археологическим институтом совершить ученую экскурсию в Крым»³.

Впечатления о работе с симферопольскими архивными документами историк-ориенталист обобщил в отчете, составленном для Археологиче-

² ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 1–1 об.

³ Там же, д. 85, л. 1–2.

ского института. В дальнейшем отчет был доработан в статью «Положение крымских архивов и их значение». Это малоизвестное специалистам исследование сохранилось в рукописи и представляет несомненный интерес для истории архивного дела в Крыму, развития исторического крымоведения в целом⁴. Ориенталист обозначил три симферопольских архива, где ему удалось обнаружить актуальную для истории Крымского ханства информацию: архив Магометанского духовного правления, архив Таврического дворянского депутатского собрания и губернаторский архив. Внимание востоковеда привлекли многочисленные документы, характеризующие уровень развития права в Крымском ханстве. Одним из основных открытий ученого в Симферополе стали казы-эскерские (казыаскерские) книги – реестры юридических и административных дел эпохи Крымского ханства [1]. Рукопись этого материала была впервые опубликована нами в 2008 году [10, с. 529–550].

Автор записки заметил: «Занимаясь историей Крымского ханства, я уже раньше знал по книжным цитатам и понаслышке, что в нынешнем центре Крыма – в Симферополе – должны находиться какие-нибудь документальные источники, которые бы могли пролить свет на прошлую историю любопытного во всех отношениях края и послужить к истолкованию некоторых сторон современного быта населяющих его инородцев.

На месте я узнал, что в Симферополе существует три капитальных архива – 1) архив Духовного мухаммеданского правления, 2) Таврического Дворянского депутатского собрания, 3) губернский.

Кроме того, в г. Феодосии, прежней Кафе, есть архивы Феодосийского градоначальства и потом архив Думы.

Благодаря лестному вниманию к моей миссии г. Таврического губернатора и других власть имущих лиц, мне открыт был свободный доступ во все места хранения деловых бумаг разных местных учреждений»⁵.

Предлагаю ознакомиться с выдержками из отчета В.Д. Смирнова, направленного директору Санкт-Петербургского Императорского археологического института И.Е. Андреевскому. Эти небезынтересные для истории архивного дела в Крыму страницы характеризуют положение дел накануне учреждения Таврической ученой архивной комиссии.

«<...> Прежде всего я направился в архив Духов[ного] мухаммед[анского] правления. Сюда стремился я как по роду своей специальности, так и потому, что уже и в Петербурге у меня бывали в руках некоторые подлинные документы, которые, по своим признакам, должны были

⁴ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 1–25.

⁵ Там же, л. 2.

принадлежать этому архиву, и много копий с них, причем некоторые из них были довольно старые.

Я чаял обрести целый залеж самых оригинальных документов в этом архиве, ибо самое учреждение, ведающее религиозными и гражданскими делами татарского населения, некогда игравшего первенствующую роль и хозяйничавшего на правах владык на Таврическом полуострове, менее всего подверглось какому-либо административному преобразованию и сохранило наиболее всего предания прежних народов времен Крымского ханства. Где же и быть чисто татарскому архиву как не в этом учреждении, в котором и правящие, и их клиенты говорят и пишут только по-татарски?!

Но как велико было мое разочарование, когда я в этой воображаемой сокровищнице нашел одни только метрические записи о родившихся, бракем сочетавшихся и умерших лицах мусульманского исповедания!

Мне сообщено было, впрочем, чиновниками Духов[овного] мухамед[анского] правления, что виденные мной в сем архиве бумаги составляли одну лишь часть его, прочие же все дела переданы в высочайше утвержденную Комиссию по разбору дел о вакфах.

В комиссии, действительно, в двух шкафах разложены были сводки вышеозначенных дел. Но и в них не нашлось того, чего можно было бы ожидать в таком архиве, который должен был копиться веками. В наличной партии бумаг на татарском языке оказались лишь несколько описей вакфных имуществ, да и те в копиях, а не в подлинниках.

Показывали мне, правда, два, особо хранимых в комиссии, подлинных документа еще старых, ханских времен, но они не принадлежат архиву, а составляют собственность частных лиц, заинтересованных в действиях комиссии и поэтому приславших откуда-то из уездов эти документы.

А между тем, если [бумаги] в архиве Духовного мухамеданского правления и могли бы иметь какую-либо ценность историческую и даже юридическую, то именно дела чисто татарские, как древнейшие по времени, так и оригинальные по свойству своего содержания и словесной формы.

Все же, что есть в этом архиве писанного по-русски, все это явилось в позднейшее время, не старше десятых годов нашего столетия и принадлежит к категории той мелкой канцелярской переписки, в которой духовное правление скорее является в роли просто исполнителя административных распоряжений русских властей, нежели самостоятельного учреждения, ведавшего главнейшие отрасли гражданского быта целого господствовавшего в Крыму татарского населения.

Эта канцелярская переписка разложена по годам, но затем без всякого дальнейшего подбора и классификации. Внешним образом она кажется будто приведенной в порядок, в действительности же это совершенный хаос. Может быть, эти бумаги будут разобраны и приведены в какую-

нибудь систему комиссией, если только последняя найдет в них что-нибудь пригодное для справок в текущих делах своих.

Частным образом мне передавали, что у татар где-то в одной мечети свалена груда старых деловых бумаг на татарском языке; но проверить этого слуха не было никакой возможности, потому что вследствие недавней перемены в личном составе Духов[ного] мухам[еданского] правления нельзя было добраться, кто, как и чем заведует в этом отживающем свой век учреждении.

Если бы что-нибудь осталось от прежних времен в этом архиве, то возможно, вакфная комиссия не преминула бы собрать это и взять в свое распоряжение, тем более, что она имеет самые широкие полномочия на это и пользуется сочувствием той части татарского населения, которая плодила дела этого архива и по сие время имела его в своем ведении и распоряжении, т.е. татарского духовенства.

Если же и Комиссии не удалось ничего добыть дельного, оригинального и древнего в этом архиве, то надо полагать, что молва преувеличивала значение архива, или же дела его по какой-нибудь печальной случайности безвозвратно утрачены, если только не разошлись по рукам частных лиц.

Обращаюсь теперь к архиву Таврич[еского] дворянск[ого] депутатск[ого] собрания.

Этот архив представляет уже более отрадное явление. Он собственно невелик и состоит всего из 115–125 связок, лежащих кипами на полу и на шкафах в канцелярии Дворянского собрания.

При делах имеется краткий алфавитный указатель их по прозваниям тех дворянских родов, коих дела касаются.

Все эти дела одинакового содержания: в них заключаются всевозможные доказательства права на дворянское звание, представленные лицами, претендовавшими или претендующими на это звание, в особую комиссию, которая по рассмотрению их препровождает их со своим заключением в Правительствующий Сенат для окончательного решения.

Из этих дел мы почерпаем генеалогические сведения о могущественных в свое время в Крыму татарских родах. Но эти любопытные генеалогии, возводимые к Эдиге и другим историческим знаменитостям, в большинстве случаев опираются лишь на устные предания, подтверждаются «по чистой совести и долгу присяги» современными свидетелями, а о подлинности документов объективно говорится, что их не имеется. <...>

Перехожу, наконец, к архиву губернскому. Размер этого архива кажется совершенно неожиданным, если принять в расчет сравнительную недавность существования Тавр. губернии, или, как она прежде называлась, Тавр. области. Этот размер может быть объяснен разве только различием населяющих губернию народностей и отсюда множеством и сложностью

гражданских отношений и практических интересов, бойкостью положения занимаемой этой губернией местности.

Он помещается в отдельном каменном доме в два этажа, разделенных на десять весьма обширных комнат и два больших коридора. Здесь хранятся дела:

1) Канцелярии бывшего правителя Таврической области с 1784 года по 1803 год, переименованного с этого последнего года в Таврического губернатора, дела канцелярии которого простираются до 1884 года.

2) Севастопольского военного губернатора и Таврической дорожно-строительной комиссии.

3) Специальной комиссии по разбору споров о земельных владениях.

4) Таврич. областного губернского прокурора с 1787 по 1869 год.

5) Бывших гражданской и уголовной палат.

6) Казенной палаты.

Если связка может быть принята за сколько-нибудь вообразимую единицу меры, то только в двух лицевых залах верхнего этажа, занятого делами первых четырех категорий, по приблизительному счету находится по 2000 связок в каждой. И это лишь часть дел этих категорий: ими занята еще одна зала вверху, да две комнаты и коридор в нижнем этаже. При такой массе дел, они, однако же, размещены свободно и даже комфортно по прекрасным широким полкам, так что архив не кажется, как говорят, битком набитым: в случае надобности архивное здание могло бы вместить в себя еще столько же бумажного материала, сколько в нем теперь уже помещается. <...>

Если статью делать сравнительную оценку этому огромному материалу, то, без сомнения, в историческом отношении важны все бумаги за период существования Таврической области. В этих делах изображается кипучая административная деятельность наших первейших лиц в государстве и их подручников, происходившая в этой области тотчас по присоединении ее к Российской короне. Едва ли что пришлось бы выкинуть из дел за этот период времени.

1. На первом плане тут стоят дела бывшего правителя Таврической области, куда относятся и все ордера, в частности ордера князя Потемкина, частью в подлинниках, частью в копиях. Дела этой категории рассеяны по разным архивам: много их в архиве Екатеринославском; были они в фамильном архиве кн. Воронцова, и лишь некоторая часть их находится в архиве Симферопольском. Некоторая часть их уже напечатана в «Записках Одесского общества истории и древностей», в т. XII: 249–329, усердием бывшего вице-президента этого общества Николая Никифоровича Мурзавича, извлечшего их из частного архива князя Воронцова.

Большинство ордеров князя Потемкина, а потом гр. Зубова, касаются раздачи земель бывшего Крымского ханства разным лицам, преимущественно выходцам из-за границы или из других губерний Российской империи. Получается очень интересная картина раздачи государственной собственности с добрыми, в принципе, намерениями, не осуществившимися, однако же, на практике. <...>

Есть дела, представляющие целую историю некоторых учреждений: их возникновение, действие и кончину. Таково весьма интересное дело о Феодосийском монетном дворе – самой химерической затее кн. Таврического, стоившей государству больших издержек и ни к чему оказавшейся не пригодной.

Между делами попадают такие, которые могут служить обрисовке тогдашних международных отношений России. Таково одно дело под заглавием: «Переписка с анапским трехбунчужным Мустафа-пашой о всех чинимых войском черноморским народам за Кубанью обитающим беспокорствах; также представлении войска черноморского войскового правительствва, что первые от последних видят всегда со всем в противность заключенного мирного трактата неблагоприятные деяния, тягостью им служащие» на 616 листах. <...>

Но сколь ни интересны все вышеозначенные дела, производившиеся со времени русского господства на Таврическом полуострове, во многих отношениях – историческом, статистическом, этнографическом и даже юридическом (ибо некоторые дела по разбору споров и тяжб о землях до сих пор находятся в производстве), но все они не имеют никакого сравнения с теми, что оказались в губернском архиве по части материалов на татарском языке. Я разумею 4 больших связки так называемых кази-аскерских книг, покоящихся в верхнем этаже в лицевой зале, налево со входа.

Огромное преимущество этой сравнительно небольшой лишь частицы целой архивной массы заключается 1) в ее древности; 2) в самом содержании весьма ценном с точки зрения филологической, исторической, этнографической, географической и научно-юридической, и наконец 3) в исключительной редкости.

Как только я попал на эту коллекцию то, разумеется, главным образом и занялся ей.

Постараюсь вкратце представить главнейшие свои наблюдения и выводы относительно этого драгоценного архивного сокровища.

Как-то давно уже, не помню где именно, читал я, что во время погрома столицы крымских ханов, проведенной однажды нашими войсками, сгорел и весь архив ханского Дивана. Теперь мы можем сказать, что архив этот если погиб, то лишь отчасти, а не всецело: остаток его представляют именно находящиеся в Симферопольском губернском архиве кази-аскерские книги.

I. У меня было в руках только 102 книги, но так как на них кем-то очень давно выставлены уже были номера, которые доходят на некоторых книгах до № 125-го, то, значит, некоторые книги этой коллекции утрачены или же по какой-нибудь случайности находятся в другом месте. Я слышал также в Симферополе, что и эти книги прежде хранились в Новороссийском архиве, а потом впоследствии перевезены в Симферополь.

II. По внешнему своему виду, это длинные и узкие тетради разной величины (большой частью в 45 сантиметров длины, 15 сантиметров ширины; и о. немногие меньшего размера). Среднее количество листов колеблется между 75-ью и 130-ью, которые исписаны на азиатский манер очень убористо особенным, свойственным крымским грамотеям, мелким почерком. Число строк на странице неравное и иногда доходит до 50-ти и даже более. Большинство книг в кожаном переплете, иногда украшенном вытесненными виньетками; иные же лишились этих переплетов и имеют следы тетрадей; весьма немногие, очевидно, вовсе не подвергались переплету. Все книги сохранились в более или менее хорошем состоянии, хотя есть между ними и такие, которые на треть истлели, вероятно, от сырого помещения; иные просто разбиты, порваны и перемешаны листами.

III. На первых страницах большей части этих книг подробно означено время, когда книга составлена, т.е. в царствование какого хана, в каких именно годах мусульманского летоисчисления и в управление какого кази-аскера делами. В этом отношении нумерация книг не всегда соглашается с хронологической последовательностью их (№ 125 за 1121–1124; № 122 за 1200–1201): под первыми номерами иногда значатся книги более новые, а те, которые древнее, являются с высшими номерами; некоторые же совсем не занумерованы. Дата книг, не имеющих заглавной приписки, легко выводится из содержания актов, заключающихся в книге, ибо в них обыкновенно бывает выписано время, когда этот или другой акт состоялся.

Самые ранние дела относятся к 1045=1635 году (кн. № 4), а самые последние к 1201=1787 году. Таким образом, перед нами раскрывается целая картина внутреннего гражданского быта Крымского ханства за целые 150 лет в сплошном непрерывном ряде подлинных документальных памятников, заключающихся в кази-аскерских книгах. Кстати замечу: с помощью их устанавливается точная хронология царствования крымских ханов за этот период времени.

IV. Откуда взялось название этих книг и что оно значит? Название их происходит от официального титула главного судьи, или, правильнее сказать, главного прокурора и судебного следователя в ханстве, который назывался «кази-аскер», что значит по-русски «военный судья» или «войсковой судья». Титул этот есть, очевидно, остатком предания о этих временах, когда турки и по подражанию им татары представляли свое госу-

дарство как военный лагерь, орду. Хотя впоследствии, при оседлой жизни, такое представление утратило смысл свой ввиду изменившейся действительности, но терминология удержалась прежняя для обозначения государства и функции чисто гражданского свойства. <...>

При широком объеме дел, подлежащих ведению мусульманского закона, в лице кази-аскера сосредоточивался надзор за правильностью всевозможных правовых отношений и исполнении административных распоряжений в районе своей юрисдикции. Вот все то, что только подвергалось рассмотрению или ведению такого блюстителя закона в ханстве, и оставляло следы свои в кази-аскерских книгах, которые, таким образом, представляют собой пространный реестр дел, производившихся в присутствии кази-аскера. А так как татары были экономны на труд и материал по судебному и административному делопроизводству, то и не плодили массы бумаг по разбирательству иногда очень крупных и сложных юридических процессов.

В силу такой обычной черты татарско-мусульманских нравов кази-аскерские книги заключают в себе, говоря без преувеличения, целый архив, равносильный архивам наших нескольких официальных учреждений.

Видно, что эта регистрация велась специальными письмоводителями, состоявшими при кази-аскерах. Они вносили в кази-аскерские книги деловые акты иногда целиком, а больше в виде извлечений, с сохранением главнейших и существенных элементов и мотивов тех или иных юридических процессов. Нередко встречаются ссылки на предшествовавшие дела, по которым позднее опять возникали разбирательства.

Составление книг производилось, очевидно, под непосредственным наблюдением и контролем самих кази-аскеров, потому что в некоторых книгах находятся их собственноручные подписи и именные печати в конце известной серии актов. <...>

Мы обыкновенно привыкли говорить и слушать с улыбкой о каких-либо правовых порядках и законности среди народов, не причастных европейской культуре, к разряду которых принадлежат и татары. Незнакомым ближе с бытом, нравами и общественным строем жизни этих полуварваров трудно даже представить себе, как это можно спокойно спать, живя среди людей, которые представляются какими-то сплошь необузданными головорезами. В особенности этот вопрос кажется трудноразрешимым относительно совместного жительства христиан с господствующим в данной стране и местности населением мусульманским. Самое мусульманское право в таких обстоятельствах кажется только какой-то отвлеченной доктриной, придуманной восточными учеными для собственного, школьного и книжного, употребления и не имеющие никакого действительного применения к жизни.

Такой предубежденный взгляд на гражданский быт татар, по крайней мере татар Крымского ханства, до некоторой степени противоречит фактической действительности, насколько она раскрывается перед нами в кази-аскерских книгах. В доказательство я позволю себе обратить внимание на некоторые данные, замеченные мной даже при поверхностном рассмотрении этих книг.

1. Особенно бросается в глаза огромное количество наследственно-раздельных актов, в которых содержится подробнейшая опись имущества умерших лиц мусульманского и немусульманского исповедания – с полным обозначением родственных отношений покойного, с поименованием всех решительно предметов, составлявших его достояние в момент смерти, иногда до десятка луковиц или до горшка молока включительно и притом с оценкой каждого предмета в отдельности.

Тут бывают обыкновенно приложенные затем и раздельные росписи с поименованием, кому из наследников что должно достаться, за вычетом известного процента в пользу судьи, составлявшего опись и производившего самый раздел наследства, а иногда и за покрытием расходов на погребение покойного или по исполнению иных каких-либо завещанных им распоряжений.

Несмотря на кажущееся однообразие и сухость формы наследственных актов, это один из самых интереснейших отделов материала, заключающегося в кази-аскерских книгах, и притом в разных отношениях:

а) В бытовом. Подробная опись имущества лиц разных классов и состояний, от ханов до простых рабочих, даст нам полное понятие о внешней обстановке жизни, о вкусах и склонностях хозяев вещей к роскоши и домашнему комфорту, об относительном их благосостоянии; о местной индустрии, а также и об иностранных, европейских и азиатских произведениях, бывших в моде и употреблении у жителей Крымского ханства.

б) В научном; филологическом. Наследственные описи представляют собой целый лексикон наименований массы вещей домашнего обихода, из которых многие не отыскиваются в существующих словарях турецко-татарского языка и уже более не употребительны в говоре современного населения и позабыты или позабываются им, так что если не поспешить теперь же с извлечением из кази-аскерских книг этого лексического материала, то впоследствии, я думаю, исчезнет всякая возможность добиться значения многих из встречающихся там архаических названий предметов домашнего обихода, вышедших из употребления. В этих же описях нередко встречаются каталоги целых библиотек, оставшихся после умерших лиц ученого звания. Об историко-литературном значении этих каталогов было бы излишне здесь распространяться.

в) В научно-юридическом. В наследственных описях поименовываются участники, а роспись, кому что достается из имущества, дает наглядное представление о практическом применении принципов мусульманского права о долях в наследстве лиц, стоящих в известных степенях родства с умирающим. <...>

Далее нередко при отдельных актах находятся реноме тяжёбных исков по претензиям наследников, недовольных произведенным разделом и доставшейся им долей наследного имущества. В частности заслуживают внимания процессы лиц ханской фамилии, тяжбы которых разбирались обыкновенным судебным порядком наравне с прочими случаями, с той только привилегией, что они сами не присутствовали при разбирательстве, а поручали вести дела каким-нибудь доверенным лицам из своих приближенных и приказных чинов.

Очень много находится также при отдельных актах учебных духовных заведений, которые, помимо научно-юридического их значения, любопытны бывают и в отношении историческом, когда в них упоминаются какие-нибудь исторические события в виде прежних хронологических обозначений или в качестве обстоятельств, послуживших причиной того, а не иного выражения воли завещателя насчет распоряжения его имуществом, как например, вступление на престол какого-нибудь хана, участие завещателя в каком-нибудь исторически известном походе, неприятельский погром в пределах крымской территории и т.д.

Наконец, в связи с наследованием в кази-аскерских книгах иногда затрагивается вопрос об учреждении опеки над малолетними сиротами, с обозначением юридических мотивов этого учреждения, условий, обязанностей опекунов и даже размер вознаграждения их за труды по опеке.

NB. Кстати сказать, в наших книгах встречаются судебные определения об подобной же опеке и над сиротами умалишенными, причем инициатива и интересы частных лиц находили себе поддержку и гарантии в правительственных учреждениях.

2. После наследовательных актов кази-аскерские книги заняты массой актов судебной власти по искам как гражданским, так и уголовным.

А. Из первой категории всего более взысканий по долговым обязательствам, объектами которых являются и чистые деньги, и недвижимое имущество, и купеческие товары, и вещи домашнего обихода и потребления, и наемный труд, и разные обязательства и поручительства, и неустойки, и браковки, залоги (муэдзин заложил мечетские книги) и т.д.

В процессуальном отношении обращают на себя внимание широкое юридическое значение свидетелей и присяги в решении гражданских исков из способов удовлетворения истцов <нрзб> имущества ответчика или отдача его во временное пользование истца, личный арест ответчика, пору-

чительство, продажа имущества с аукционного торга, назначение сроков уплаты и т.д. Есть такие образцы решения встречных исков и мировых сделок.

Особенно много исков жен, требующих себе присуждения определенного содержания на себя и детей с покинувших их мужей.

Эти процессы любопытны с точки зрения этнографической статистики. Например, денежные взыскания больше всего ведутся лицами племени якуб (иудеями), да еще армянами. Имущественные же тяжбы приходятся чаще на долю лиц татарского происхождения.

Б. Не менее любопытны также и уголовные процессы. Предметом судебных разбирательств обыкновенно служат убийства, увечья, побои, лишение свободы и оскорбления на словах, бракоразводные дела. Выдающимся признаком уголовных процессов является денежная пеня в пользу потерпевших за всякие правонарушения до убийства включительно. Учинателем иска нередко является само ханское правительство, в случае, например, безродности убитого, причем взыскиваемая пеня поступала в государственную казну. При неизвестности убийцы ответственность возлагается на общину, в лице, например, жителей деревни или квартала, где найдено мертвое тело. Тут интересно бывает изображено самое судебное следствие – протоколы с подробным описанием обстановки, при которой найден убитый, и сомнения самого мирного чина – его показания, излишества и формы ран, и т.п., расследование по подозрению кого-либо в убийстве об отношениях подозреваемого к убитому при жизни, спрос свидетелей и т.д.

В делах уголовных особенно много данных для характеристики быта и нравов крымского населения во времена ханские. Тут, например, встречается женщина-татарка, зарезавшая своего деверя, спасая честь свою от насилия; гарнизонный солдат, избивший одного мирного гражданина и оправдывающийся тем, что он это сделал при исполнении им полицейских обязанностей по соблюдению порядка и тишины на улице при одном торжественном случае; жена, привлекающая к суду своего мужа за пьянство; муж, плачущийся суду на буйное поведение своей тещи, от которой ему житья нет; прихожане, требующие увольнения судом от должности их муллы, предающегося пьянству и ведущего порочную жизнь; мусульманин, жалующийся на караима за то, что тот обозвал его гяуром; отец одного мальчика, требующий удовлетворения от одного софты за то, что он, бегая по улицам пьяный с бутылкой и стаканом в руках, напал на его сына, приколотил его и обругал гяурским сыном; одна женщина, жалующаяся на другую за оскорбление, состоявшее в том, что обидчица, встретив у фонтана, обругала ее неприличными словами и опозорила непристойным заголением платья обиженной; девушка, просящая защиты у суда в том, что она

желает выйти замуж за одного, а ее хотят насильно выдать за другого, и т.д. и т.д.

Особенно любопытны бракоразводные процессы по мотивам и условиям расторжения браков. В гражданских и уголовных процессах много также данных для географического определения местностей Крымского полуострова и распределения по ним населения разных народностей, ибо всегда подробно и точно обозначается, откуда происходят истцы, откуда ответчики, где совершено преступление, и т.д. Встречаются случайные указания на факты исторического значения, напр. из одного процесса узнаем, что Карасу-базар, славящийся кожевными изделиями, получал сафьян из Эрзерума, и т.п.

В. Далее кази-аскерское судилище исполняло обязанности и нотариального бюро, и центрального места наблюдения за общественным благоустройством. В кази-аскерских книгах много статей, которые можно отнести к категории нотариально-явочных актов – о разных коммерческих и других обязательных сделках, о совершении дарственных записей, о сроках (есть констатирование факта, что пятница была в субботу). В числе подобных дел попадается одна интересная официальная заметка о залоге драгоценных вещей знаменитого хана Селим-Герая одному караиму, когда ему нужны были деньги.

Г. В кази-аскерские же книги вносились и разные правительственные распоряжения и ханские указы о назначении тех или других лиц на известные должности, о производстве каких-либо правительственных сооружений с требованием отрядить на них, в виде натуральной повинности, людей с назначенной за работу платой; установление налогов; взимание податей впредь по случаю экстренных расходов на государственные надобности во время войны; о заимообразном на жителей богатых местностей; об установлении таксы на продукты первой необходимости; о распределении квартир для ночлега по пути, которым должна была проезжать одна ханым.

О принятии административных мер против усиления в жителях пьянства (пьяного хана Мирад-Герая).

О водопроводе и надзирателе за ним.

В числе подобных же актов находится, напр., любопытная ведомость о сооружении одной мечети, с подробнейшей сметой количества и качества употребленных на нее материалов, количества рабочих и размер их заработной платы.

Подворная опись города Бахча-Сарая и Карасу-Базара, а также всех деревень Бахча-Сарайского округа с точным обозначением числа душ населения и количества ежегодно добываемых им земледельческих продуктов.

Д. Дела касательно духовных нужд иноверцев. Например, о платеже налога греками в пользу Константинопольского патриарха. О разрушении армянской <нрзб>. О бракосочетании дочери одного ренегата с христианином.

Е. Наконец, едва ли не единственный источник представляют казискерские книги и для изучения положения рабов в Крымском ханстве, по тому количеству и разнообразию данных, касательно одного предмета, которые находятся в этих книгах.

Во-первых, редкий наследственный-раздельный акт более или менее значительного покойного не имел в своем реестре нескольких рабов и рабынь, называемых по именам их, с обозначением возраста, разряда и стоимости на современную денежную валюту. Тут же встречаемся с негативным фактом, что имена рабов и рабынь обнаруживают в них наших соотечественников: Иван, Василь, Семен, Андрюша, Настя, Марушка и т.д. Если же они бывают переименованы на татарский лад – Девлет-Гэльди, Гюль Богар и т.п., то обыкновенно присовокупляется обозначение, что, мол, родом москаль, или русский, а по вере христианин, а нередко мусульманин.

То же самое находим и в огромном множестве судебных процессов, где являются на сцену рабы обоих полов, большей частью в качестве отыскивателей свободы, причем иски их оканчиваются в их пользу чаще, нежели против них.

Из этих процессов мы узнаем, откуда брались крымские рабы. Обращение в рабство свободных людей происходило: а) от военного плена; б) от насильного захвата (аккерманский сирота); в) от обмана (слепец); г) по рождению рабскому.

д) от добровольного самозакабаления. Тут же указываются способы получения свободы, как суть: а) добровольное освобождение «Бога ради» или по обету; б) освобождение по завещанию; в) выкуп; г) сожительство и причинение <нрзб>; д) побег (русские бежали, но пойманы).

Тексты обыкновенно по неисполнению хозяевами обетов, произнесенных при свидетелях, и по неисполнению наследниками воли завещателей, и условий кабального рабства.

NB. Замечательно владение и освобождение 1/2 раба.

На все высказанные мной положения относительно состава, содержания, а также научного, исторического и юридического значения казискерских книг я бы мог привести доказательства и примеры из тех извлечений, которые я, при всей скудости времени, успел сделать в размере девяти тетрадей, если бы только позволяло время. <...>»⁶.

⁶ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 90, л. 3–17.

Не менее информативным источником о научной командировке историка в Крым, чем архивные документы, является опубликованный Смирновым отчет, озаглавленный «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года» [25, с. 273–302]. Обозначив сразу главную цель путешествия – «ознакомление с тамошними архивами, преимущественно с тем материалом, который подлежит рассмотрению и исследованию ориенталистов, т.е. с документами на турецко-татарском языке» [25, с. 273], востоковед заметил, что невозможно было не остановиться и на изучении памятников материальной культуры. Публикация позволила восстановить маршрут поездки В. Д. Смирнова: Феодосия – Судак – Старый Крым – Сурб-Хач – Ортолан – Бичи-Эли – Карасубазар – Токлук. Историк подробно остановился на описании произведенных в деревне Токлук раскопок. Рукопись этой части статьи сохранилась в личном архивном фонде востоковеда⁷. Опубликованный вариант почти полностью сохранил авторский текст. Выявлены лишь незначительные редакторские правки (например, в рукописи: «мои попытки», напечатано: «мои домогательства» и т.п.):

«Окончив фотографическую работу, мы начали раскопку при содействии десяти человек татар. По правде сказать, раньше меня заботила мысль о том, как татары отнесутся к такому моему предприятию, как раскопка могил. Особенно эта мысль невольно приходила в голову после того, как я уже раз в Феодосии подвергся громким нареканиям русских женщин, когда пытался достать торчавший на самом обрыве оврага близ города какой-то череп, смытый туда, должно быть, дождями из соседнего татарского кладбища. Видевшие мои домогательства с соседних дворов россиянки начали осыпать меня упреками – что, как, мол, не грех трогать кости, – и даже грозили довести об этом до сведения полиции. В виду предполагаемых неприятностей при раскопках со стороны татар, да еще в такой захолустной деревне, как Токлук, я прибег к излишней предосторожности в виде проводничества местного урядника. Но татары оказались в этом отношении гораздо благоразумнее и менее фанатичны, нежели наши феодосийские соотечественницы. С полной готовностью и охотой они вызвались производить под моим руководством раскопки, тем более что могилы были не мусульманские, а «казацкие», а местный мулла, симпатичный старик, по моей просьбе, даже сократил свою пятничную службу, чтобы дать возможность своим прихожанам пораньше освободиться и отправиться на работу, за которую им неприлично было приниматься до молитвы» [25, с. 293].

Как становится понятным из доклада председателя императорской Археологической комиссии Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), проведенное В.Д. Смирновым обследование крымских археологиче-

⁷ Там же, д. 21, л. 1–14.

ских памятников, в том числе нескольких кладбищ, было проведено по заданию этого научного учреждения. Археологическая комиссия «воспользовалась поездкой в Крым профессора Санкт-Петербургского университета» [2, с. CV–CIX]. А.А. Бобринский подробно перечислил все монастыри, развалины церквей и кладбища, которые посетил В. Д. Смирнов, и кратко остановился на результатах произведенных разрытий.

Результатом выполнения этой программы знакомства В. Д. Смирнова с крымскими историческими памятниками стала также оставшаяся в рукописи его статья «Описание архитектурных памятников татарского происхождения в Старом Крыму (близ района Токлука)», где ориенталист охарактеризовал мечети, найденные надписи на крымскотатарском языке, типы крымскотатарских жилых построек⁸. Проводя раскопки в различных местах Крыма, В. Д. Смирнов не задавался какими-либо «самостоятельными исследованиями, а, так сказать, только в видах проверки тех данных об известных исторических местностях и кладбищах, о которых сообщали прежде ученые»⁹. В отчете о своих археологических исследованиях в Крыму В.Д. Смирнов продемонстрировал не только глубокие познания об исторических памятниках Крыма, но и знакомство с основным корпусом крымоведческой литературы тех лет. Значение произведенных краеведом в Крыму изысканий впоследствии было отмечено специалистами Археологической комиссии [13, с. CV–CIX].

Большую помощь столичному историку во время его научной командировки по полуострову оказали местные историки-краеведы Людвик Петрович Колли, Арсений Иванович Маркевич, Оттон Фердинандович Ретовский.

Отдельной страницей творческой биографии ученого стало сотрудничество в императорской Публичной библиотеке. Эта деятельность позволила В. Д. Смирнову не только продолжить и расширить работу с архивными документами по истории Крыма, но и перевести часть уникальных архивных памятников из Симферополя в столичное архивохранилище при Императорской Публичной библиотеке.

С 1 января 1874 года В. Д. Смирнов поступил на службу в Отделение восточных книг в качестве вольнотрудящегося с исполнением обязанностей заведующего отделением. В этом качестве ученый проработал в Библиотеке почти пятьдесят лет, вплоть до 1922 года. С 1 сентября 1909 года он числился сверхштатный библиотекарем¹⁰. Отвечая в 1915 году на запрос Министерства народного просвещения, директор Публичной библиотеки

⁸ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 22, л. 1–16.

⁹ Там же, д. 21, л. 1.

¹⁰ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 207, л. 7, 8; РНБ ОР, ф. 120, оп. 1, д. 1245, л. 1–3.

объяснил, что В.Д. Смирнов состоит библиотекарем «на службе по вольному найму <...> как заведующий отделением исполняет обязанности и занимает положение библиотекаря, но никакими правами по государственной службе, которые дает должность библиотекаря, не пользуется»¹¹. Не являясь штатным сотрудником Публичной библиотеки, Василий Дмитриевич тем не менее оставил выдающийся след в ее истории, в частности в формировании фондов. Он не только выполнял всю текущую работу по комплектации фондов восточными изданиями, но и занимался их каталогизацией, выдачей книг читателям, отбором дублетов и передачей их в отраслевые отделения, отбором книг для своего отдела в других подразделениях (в том числе в «Россике»). Именно с его именем связано начало планомерного формирования и описания турецких рукописных фондов.

Результаты этих работ были обнародованы Смирновым в изданиях библиотеки. Эти публикации, не вошедшие в библиографические списки трудов ученого и поэтому оставшиеся малоизвестными специалистам, вводили в научный оборот обширный корпус бумаг, попавших в различное время на хранение в главную библиотеку Российской империи. В двух информативных справках В.Д. Смирнов охарактеризовал документы на турецком языке, переданные в библиотеку ботаником, географом, библиографом Федором Петровичем Кёппеном (1833–1908), – фирманы турецкого султана, ярлыки крымских ханов, темессук (свидетельства), выданные муфтием обществам различных деревень, хужджеты (судебные постановления) [22; 24]. В.Д. Смирнов отметил, что хотя большая часть документов этого собрания – копии, но они заслуживают полного доверия, так как делались под наблюдением Петра Ивановича Кёппена. Эти источники, по мнению турколога, представляли непосредственный интерес для изучения землевладельческих прав и юридических отношений в эпоху Крымского ханства на Южном берегу Крыма, а также для изучения крымской топонимики.

Не менее интересный обзор переводов турецких надписей Василий Дмитриевич поместил в «Отчете» Библиотеки за 1887 год [23]. В связи с уничтожением турецких крепостей на Юге Российской империи, согласно Берлинскому трактату 1878 года, руководивший этими работами генерал-майор Михаил Матвеевич Боресков снял имевшиеся там мраморные доски с гербами и надписями. Они хранились в здании Главного инженерного управления. По поручению военного ведомства В.Д. Смирнов занялся их разбором, атрибуцией и переводом. В качестве вознаграждения за свой труд он добился передачи семи надписей в Публичную библиотеку. Перевод и интерпретацию этих источников исследователь и обнародовал.

¹¹ РНБ, архив, ф. 1, оп. 1 (1917 г.), № 125, л. 125.

По заданию руководства Публичной библиотеки летом 1879 года он вновь совершил ученую поездку в Стамбул, где для главного книжного собрания империи приобрел «небольшую коллекцию» рукописей на турецком и персидском языках [15].

В.Д. Смирнов возбудил ходатайство о передаче в Публичную библиотеку из Симферопольского губернского архива казы-эскерских книг. Передача состоялась в 1905 году. «Отчет» Библиотеки так отразил это событие: «Переданное в Библиотеку по распоряжению министра внутренних дел, благодаря просвещенному содействию министра народного просвещения В.Г. Глазова, хранившееся в Симферопольском губернном архиве собрание так называемых казы-эскерских книг, то есть реестровое, в которое вносились большей частью в извлечениях, а иногда и полностью все юридические и административные дела, подлежащие ведению казы-эскеров (верховных судей) при Диване (судилище) бывших крымских ханов. Эти рукописи на турецком языке, числом 121, обнимают период времени от 1017 (1608 г. по Р. Х.) до 1201 (1786 г. по Р.Х.) года, т.е. до самого присоединения Крыма к России, и представляют собой остаток архива Крымского ханства. Эти казы-эскерские книги, в которых содержатся протоколы судебных разбирательств по гражданским и уголовным делам, охранительные описи имуществ умерших, духовные завещания, отдельные акты, межевые акты, правительственные распоряжения по финансовой части и обществу благоустройству, сметы по сооружении общественных построек: крепостей, мечетей и т.п., представляют чрезвычайно важный материал для изучения исторического прошлого Крымского ханства и всевозможных сторон быта его населения. Особенно ценной в этих книгах является масса данных о положении и судьбе наших русских полоняников, в огромном количестве попадавших в Крым, служивший в те времена работорговческим рынком» [16, с. 38]. Собрание представляет сейчас отдельный фонд в составе Отдела рукописей Российской национальной библиотеки: 121 единицу хранения в виде тетрадей (дафтарей). Коллекция до настоящего времени так и не была подвергнута археографическому исследованию¹².

Отметим тут также значение сотрудничества Смирнова с местными крымоведами. Такие коммуникации, как правило, выпадают из поля зрения историков науки, когда рассматривается «глобальная» фигура такого историка, как В.Д. Смирнов [12, с. 139–140]. Однако именно такие контакты во многом давали продуктивный результат для узких научных штудий столичных коллег. После образования в 1887 году Таврической ученой архивной комиссии В.Д. Смирнов принимал участие в ее работе. В «Известиях»

¹² РНБ ОР, ф. 917, оп. 1, д. 1–121.

Комиссии историк опубликовал ряд научных штудий. Так, в статье «Джамиу-т-теварих» [26] В.Д. Смирнов проинформировал научную общественность о принадлежащей ранее крымскому татарину Мурату Биярсланову рукописи «Всеобщая история» на тюркском языке. Член Таврической ученой архивной комиссии с 1889 года Мурат Биярсланов (?–1893) служил переводчиком Таврического губернского правления. Он откликнулся на призыв крымских краеведов сдать на хранение в архив Комиссии документы, которые находились в дворянских семьях, – представил тюркскую анонимную рукопись (431 лист) «Всеобщей истории». В качестве представителя ТУАК Биярсланов занимался разбором кадиаскерских книг. На страницах «Известий» ТУАК он опубликовал переводы с комментариями из кадиаскерских записей.

Спустя почти 25 лет в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» В.Д. Смирнов поместил еще две свои источниковедческие работы, характеризующие крымскотатарские документы [27; 28]. Так, анализируя присланные ему из Симферополя для перевода пятнадцать ярлыков крымских ханов, он перевел их и представил в Таврическую ученой архивную комиссию характеристику документов «Крымскотатарские грамоты» [27]. Здесь В.Д. Смирнов, по словам А.И. Маркевича, который представлял эту работу на заседании ученого общества, «выясняет положение шейхов и хаджей в Крымском ханстве, а затем обращает внимание на важность вопроса об установлении ценности обращавшихся в Крымском ханстве денежных знаков и высказывает по этому вопросу несколько ценных соображений» [17, с. 295]. Заметим, что во многом инициатором появления публикаций В.Д. Смирнова в симферопольском научном издании был председатель ТУАК Арсений Иванович Маркевич. Об этом свидетельствуют сохранившиеся осколки переписки двух ученых, выявленные в личном архивном фонде В. Д. Смирнова¹³.

Научные контакты столичного ученого с крымскими коллегами продолжались до начала революционной неразберихи в стране. Так, 3 сентября 1916 года на очередном заседании Комиссии был прочитан присланный профессором В.Д. Смирновым доклад «Татарско-ханские ярлыки из коллекции ТУАК», построенный на анализе восьми ярлыков. Исследование, как свидетельствует протокол заседания, вызвало «живой интерес и обмен мнениями» [18, с. 271–272].

Среди неопубликованных крымоведческих трудов ученого, отложившихся в его личном архивном фонде и относящихся к периоду работы с крымскими архивными памятниками, ценность представляют его исследо-

¹³ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 2, д. 29, л. 1–2.

вания «Бытование старых крымско-татарских имен в настоящее время»¹⁴ и «Описание пяти документов на турецких языках, принадлежащих Обществу истории и древностей в Одессе»¹⁵.

Отчет В.Д. Смирнова Санкт-Петербургскому археологическому институту о его архивных разысканиях в Симферополе, а иными словами – экспертиза ценности архивных документов из местных ведомственных хранилищ, был использован директором института Иваном Ефимовичем Андреевским в письме таврическому губернатору Андрею Никитичу Всеволожскому (1840–1993). Последний обращался к И.Е. Андреевскому и в Министерство внутренних дел с ходатайством об учреждении Таврической ученой архивной комиссии. Руководитель Археологического института, основываясь на данных, предоставленных В.Д. Смирновым, подчеркивая свое положительное отношение к факту открытия губернской ученой архивной комиссии в Симферополе, указал наиболее ценные и информативные для исторических исследований фонды из местных архивов¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив крымских ханов // Русская Ривьера. 1907. № 39. 26 сент.
2. Бобринский А.А. Доклад о действиях императорской Археологической комиссии за 1886 год // Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 годы: с атласом. СПб., 1891. С. CV–CIX.
3. Гордлевский В.А. Памяти В.Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В.А. Избр. соч.: в 4-х т. М.: Наука, 1968. Т. 4. С. 408–414.
4. Григорьев А.П. Хронологический перечень трудов В.Д. Смирнова и литературы о нем // Тюркологический сборник. 1973. М.: Наука, 1975. С. 268–281.
5. Иванов С.Н. Кафедра тюркской филологии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова. 1960. № 296: Востоковедение в Ленинградском ун-те / Под ред. А.Н. Кононова. С. 71.
6. Иванов С.Н. Тюркология в Ленинградском университете // Turcologica, 1986: К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 141–152.
7. Маштакова Е.И. В.Д. Смирнов – исследователь турецкой литературы // Советская тюркология. 1971. № 4. С. 115–123.
8. Михайлов М.С. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии // Вопросы языка и литературы стран Востока / Ин-т международных отношений; Под ред. Ю.В. Рождественского. М., 1958. С. 275–320.

¹⁴ ИВР РАН АВ, ф. 50, оп. 1, д. 5, л. 1.

¹⁵ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, ф. 5, ед. хр. 1586, л. 1–2.

¹⁶ Центральный гос. исторический архив г. Санкт-Петербурга, ф. 119, оп. 1, д. 151, л. 3–3 об.

9. Непомнящий А.А. В.Д. Смирнов – историк Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1991. Вып. 2. С. 156–160.

10. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Т. 2: *Taurica orientalia*. Симферополь, 2008. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12). 600 с.

11. Непомнящий А.А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В.Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 113–142.

12. Орешкова С.Ф. Османистика: личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедческой науки / Ин-т востоковедения РАН. М., 2023. 272 с.

13. Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. CV–СІХ.

14. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1875 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1876. С. 21–59.

15. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1879 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1880. С. 20–29.

16. Отчет императорской Публичной библиотеки за 1905 год. СПб., 1912. С. 38.

17. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 5-го июня 1913 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 295.

18. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 3 сентября 1916 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. № 56. С. 271–272.

19. Протоколы заседаний Совета имп. Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1869–1870 академического года. СПб., 1871. С. 139.

20. Самойлович А. Памяти проф. В.Д. Смирнова // Восток. 1923. № 3. С. 207–209.

21. Смирнов В.Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. LXXV, [260] с.

22. Смирнов В.Д. Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, принесенных в дар Библиотеке ее библиотекарем Ф.П. Кёппеном // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1881 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки, статс-секретарем Деляновым. СПб., 1883. С. 45–52.

23. Смирнов В.Д. Надписи, бывшие на турецких крепостях, ныне находящиеся в императорской Публичной библиотеке // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 год, представленный г. министру народного просвещения директором Библиотеки тайным советником Бычковым. СПб., 1884. Прил. 3. С. 1–9.

24. Смирнов В.Д. Собрание документов на турецком языке, касающихся Крымского полуострова, принесенных Библиотеке в дар ее библиотекарем Ф.П. Кёппеном, и служащих дополнением к такому же собранию, принесенному в дар в 1881 г. // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885. С. 227–231.

25. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. 1887. Т. 1, вып. 4. С. 273–302.

26. Смирнов В.Д. Джамиъу-т-теварихъ // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. № 8. С. 104–107.

27. Смирнов В.Д. Крымскотатарские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 140–178.

28. Смирнов В.Д. Татарско-турецкие ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 1–19.

29. Dmitrijev N.K. V.D. Smirnov // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1928. Pt. 2. P. 408–410.

30. Vernadsky G. Russian historiography: History. Belmond, 1978. 540 p.

Сведения об авторе: Непомнящий Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (295007, пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); dr.aan@mail.ru

V.D. Smirnov – researcher of the Crimean archives

Andrey Nepomnyashchy

V.I. Vernadsky Crimean Federal University;

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Abstract. During a business trip to the Crimea in 1886, V.D. Smirnov studied the composition of the Simferopol archives. The trip of the orientalist was initiated by the St. Petersburg Archaeological Institute. In connection with the request of local scientists about the opening of the provincial scientific archival commission on the peninsula, the director of the Archaeological Institute I.E. Andreevsky appealed to the famous orientalist in the capital V.D. Smirnov with a request to conduct an expert assessment of the available documents in Taurida. The purpose of the study was to conclude on the expediency of opening a local academic archival commission. Extensive excerpts from

V.D. Smirnov's manuscript are provided, compiled based on the results of the trip. The document provides an overview of the composition of the Crimean archives and the value of the deposited archival papers.

Keywords: V.D. Smirnov, Crimean studies, archives, Taurida Scientific Archival Commission, St. Petersburg Archaeological Institute

For citation: Nepomnyashchy A.A. V.D. Smirnov – researcher of the Crimean archives. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 83–110. DOI: 10.22378/kio.2024.1.83-110 (In Russian)

REFERENCES

1. Archive of the Crimean khans. *Russkaya Riv'era* [Russian Riviera], 1907, no. 39, 26 sept. (In Russian)
2. Bobrinskiy A.A. Report on the actions of the Imperial Archaeological Commission for 1886. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1888: with atlas. St. Petersburg, 1891, pp. CV–CIX. (In Russian)
3. Gordlevskiy V.A. In memory of V.D. Smirnov (1846–1922). Gordlevskiy V.A. Selected works. Moscow: Nauka Publ., 1968, vol. 4, pp. 408–414. (In Russian)
4. Grigor'ev A.P. Chronological list of works of V.D. Smirnov and literature about him.. *Tyurkologicheskij sbornik=Turkological collection*. 1973, Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 268–281. (In Russian)
5. Ivanov S.N. Department of Turkic Philology. Scientific notes of A.A. Zhdanov Leningrad State University. 1960, no. 296, p. 71. (In Russian)
6. Ivanov S.N. Turkology at Leningrad University. *Turcologica*. Leningrad: Nauka Publ., 1986, pp. 141–152. (In Russian)
7. Mashtakova E.I. V.D. Smirnov is the researcher of Turkish literature. *Sovetskaya tyurkologiya=Soviet Turkology*. 1971, no. 4, pp. 115–123. (In Russian)
8. Mikhaylov M.S. On the study of Turkish literature in domestic Turkology. Questions of language and literature of the countries of the East. Moscow, 1958, pp. 275–320. (In Russian)
9. Nepomnyashchy A.A. V.D. Smirnov – historian of the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii=Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. 1991, vol. 2, pp. 156–160. (In Russian)
10. Nepomnyashchy A.A. Ascetics of Crimean studies. Vol. 2: Taurica orientalia. Simferopol, 2008, 600 p. (In Russian)
11. Nepomnyashchy A.A. The beginning of the scientific stage of the development of sources on the history of the Crimean Khanate: V.D. Smirnov. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 113–142. (In Russian)
12. Oreshkova S.F. Osmanism: personal experience and some reflections on the development of this branch of oriental science. Moscow, 2023. 272 p. (In Russian)

13. Otchet imp. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1888. St. Petersburg, 1891, pp. CV–CIX. (In Russian)

14. Report of the Imperial Public Library for 1875, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1876, pp. 21–59. (In Russian)

15. Report of the Imperial Public Library for 1879, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1880, pp. 20–29. (In Russian)

16. Report of the Imperial Public Library for 1905. St. Petersburg, 1912, p. 38. (In Russian)

17. Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission of June 5, 1913. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1913, no. 50, p. 295. (In Russian)

18. Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission of September 3, 1916. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1920, no. 56, pp. 271–272. (In Russian)

19. Minutes of meetings of the Council of the Imperial St. Petersburg University for the second half of the academic year 1869–1870. St. Petersburg, 1871, p. 139. (In Russian)

20. Samoylovich A. In Memory prof. V.D. Smirnov. *Vostok =East*. 1923, no. 3, pp. 207–209. (In Russian)

21. Smirnov V.D. A collection of some important information and official documents regarding Turkey, Russia and Crimea. St. Petersburg, 1881, LXXV, [260] p. (In Russian)

22. Smirnov V.D. A collection of documents in Turkish language concerning the Crimean Peninsula, donated to the Library by its librarian F.P. Köppen. Report of the Imperial Public Library for 1881, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, State Secretary Delyanov. St. Petersburg, 1883, pp. 45–52. (In Russian)

23. Smirnov V.D. Inscriptions that were on Turkish fortresses, are now in the Imperial Public Library. Report of the Imperial Public Library for 1882, submitted to the Minister of Education by the Director of the Library, Privy Councilor Bychkov. St. Petersburg, 1884, pp. 1–9. (In Russian)

24. Smirnov V.D. A collection of documents in Turkish language concerning the Crimean Peninsula, donated to the Library by its librarian F.P. Köppen, and serving as an addition to the same collection, donated in 1881. Report of the Imperial Public Library for 1883. St. Petersburg, 1885, pp. 227–231. (In Russian)

25. Smirnov V.D. Archaeological excursion to Crimea in the summer of 1886. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva=Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1887, vol. 1, iss. 4, pp. 273–302. (In Russian)

26. Smirnov V.D. Dzhami"u-t-tevarikh".. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1889, no. 8, pp. 104–107. (In Russian)

27. Smirnov V.D. Tatar-Turkish Yarlyks from the collection of the Tauride Scientific Archival Commission. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1913, no. 50, pp. 140–178. (In Russian)

28. Smirnov V.D. Tatar-Turkish yarlyks from the collection of the Tauride Scientific Archival Commission. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii=News of the Taurida Scientific Archival Commission*. 1918, no. 54, pp. 1–19. (In Russian)

About the author: Andrey A. Nepomnyashchy – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Archaeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academician Vernadsky ave., Simferopol 295007, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); dr.aan@mail.ru